УДК 340.132.6 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-4-33-36

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Кравцов Николай Александрович кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88). E-mail:nikikrvtsv@yandex.ru

Аннотация

В статье обращается внимание читателя на некоторые существенные черты кризиса современного понимания права. Среди таких черт выделяются: дисбаланс между философией права, теорией права и юридической практикой; нарушение верного баланса между юридической наукой и законотворчеством; неправильное понимание прогрессизма; идеологическая перегруженность правовых концепций; дисбаланс между юриспруденцией, историей и философией.

Ключевые слова: *правопонимание, история, философия, философия права, гуманитарная наука, теория права, юриспруденция, законотворчество, прогресс, прогрессизм, методология, правовое государство, квантовая физика.*

Было бы делом весьма затруднительным перечислить все проявления кризиса современного правопонимания. Они многочисленны и сложны. Их корни глубоки, а проявления разнообразны. Да в этом, как представляется, и нет необходимости. Поэтому назовем лишь те, которые представляются нам наиболее «кричащими». При этом просим учитывать неизбежную субъективность предлагаемого перечня.

Прежде всего. На наш взгляд, наблюдается резкий дисбаланс между философией права, теорией права и юридической практикой. К правовой теории пробуют привязать общенаучные методы, а зачастую, и методы точных наук. Эта тенденция не нова. Представляется, она начала развиваться в эпоху Возрождения. Тогда начался небывалый расцвет точных и естественных наук. И что немаловажно – эти науки приносили практические результаты, особенно важные для постепенно занимавшей всё более весомое общественное положение ранней буржуазии. При этом в гуманитарных науках умозрение явно продолжало преобладать над практической результативностью. Неудивительно, что наши коллеги тогда не смогли избежать некоторого «комплекса неполноценности». В связи с этим возникла тенденция к подражанию естественным и точным наукам, ещё более развившаяся в эпоху Нового времени. Одним из совершенных образцов ее применения, например, можно считать «Этику, доказанную геометрическим способом» Спинозы.

Однако при ближайшем рассмотрении право – сфера специфическая. Любые попытки привязать к нему «универсальные методы» сомнительны. К примеру, Томас Гоббс, считавший себя последователем бэконовского эмпиризма, при рассмотрении правовой и государственной материи проявил себя как чистейшей воды рационалист. Ни в трактате «О гражданине», ни, тем более, в «Левиафане» нет ни следа философии эмпиризма. Показателен пример Иммануила Канта, чей метод, довольно успешно проявивший себя в прочих, интересовавших его, сферах познания, в применении к праву привёл к смехотворным результатам. Его правовая концепция вызывает у непредвзятого читателя впечатление чудовищного нагромождения искусственной терминологии, искусственных же конструкций, совершенно не имеющих практической ценности, и причуд-

ливых классификаций, свидетельствующих не столько об оригинальности, сколько о неосведомлённости автора в элементарных основах юриспруденции. К примеру, достаточно одного только взгляда теоретика права или цивилиста на кантовскую классификацию договоров, которую он приводит, примитивизируя само понятие договора, и не различая понятий «договор» и «сделка», чтобы испытать некоторую неловкость. Но, похоже, печальный опыт Канта ничему не учит: многие глобальные философские направления по-прежнему претендуют на то, чтобы навязывать правоведению свои «универсальные» методологии, как единственно правильные и адекватные.

Серьёзной проблемой, как представляется, следует считать нарушение верного баланса между юридической наукой и законотворчеством. Как теперь составляются кодексы в сфере, допустим, гражданского и уголовного права? Раньше законодатель шёл по стопам юридической науки: всякого рода комиссии по составлению капитальных кодексов начинали работу с изучения классических трудов юристов. В результате появлялись такие шедевры законодательной техники, как, к примеру, «Кодекс Наполеона». Теперь же законодатель даёт слишком большой простор своей «творческой» фантазии. Ярким примером этого можно считать введение в наше законодательство института «траста», который, по мнению крупных компаративистов, включая самого Рене Давида, просто не может работать в иной правовой системе, кроме системы «общего права». А учёные-отраслевики часто просто комментируют законодателя и ищут «глубокий концептуальный» смысл в его решениях, зачастую парадоксальных. Итогом является то, что многие из даже неплохих работ в области отраслевых наук автоматически обречены на утрату научной ценности с принятием нового кодекса. Да и в теории государства и права, к сожалению, иногда проявляются эти тенденции. Положа руку на сердце, не слишком ли часто встречаются в наших учебниках аргументации на уровне: «Это так, поскольку так указано в Конституции»? Порой наши студенты не могут понять, что им преподают: теорию права вообще, или теорию российского права?

Если говорить об отечественной науке, то наше правопонимание не может не испытывать глубокого кризиса, хотя бы потому, что далеко не все, кто занимаются философией права, понимают на самом деле предмет этой науки и ее соотношение с прочими науками. Скажем откровенно: большинство отечественных учебников, и не только учебников по «философии права» представляют собой не что иное, как просто смесь теории государства и права с историей правовых учений. Да и с философской подготовкой мы, российские правоведы, несколько отстаём. Я имею в виду не знание истории философии, но владение категориальным аппаратом. Терминология зачастую применяется искусственно, или вовсе небрежно. Так, в учебнике одного уважаемого автора функции государства определяются как «механизм реализации его задач». «Функция» есть «механизм»? Полагаю, любой студент философского факультета, дай он такое определение на экзамене, столкнулся бы с непониманием.

Одной из проблем представляется, порой, искусственное умножение философско-правовых школ и концепций. К примеру, появление каждой новой философской школы – повод ожидать возникновения в ее рамках, порой искусственно, соответствующей правовой концепции. И если в рамках философских школ это объяснимо и вполне нормально, то выглядит порой курьёзно упорное стремление привязывать правопонимание к наукам, не имеющим к праву никакого отношения. Сейчас в моде, и вполне заслуженно, квантовая физика. И вот уже заводят речи о «квантовой теории права». Бесспорно, как интеллектуальная игра – это очень даже любопытно, что было подтверждено нами на практике при проведении на занятиях возможны аналогий. Действительно, можно забавляться, перенося «парадокс Шрёдингера» в правовую среду. К примеру, подобно тому, как пресловутый кот Шрёдингера одновременно жив и мёртв до открытия ящика, так и решение судьи первой инстанции одновременно правильно и неправильно до его рассмотрения второй инстанцией. Можно провести и прочие аналогии. Но ведь порой такие интеллектуальные игры подаются вполне серьёзно! А поверхностные аналогии, как известно, могут завести далеко. И это опять же не новая болезнь. Ещё Боден совершенно

серьезно и буквально воспринимал возможные аналогии между правом и музыкальной гармонией. В итоге его «теория гармонической справедливости» оказалась совершенно бесперспективной. Давайте-ка экспромтом! Через право определённым образом преломляются общественные отношения. Даёшь «оптическую теорию права»! Право стремится выработать некоторые инстинкты социального поведения: видя понравившийся ему товар, покупатель тянется за кошельком… Ну чем не «физиологическая теория права»?!

Но умножение концепций происходит также на уровне отдельных исследователей. Зачастую дело сводится просто к личным амбициям – непременно предложить собственное определение права. В итоге, на поверку многие из таких определений оказываются либо немного скорректированным повторением предыдущих, либо искусственными, либо откровенно эклектичными. Такое положение вещей, несомненно, не способствует поиску правильного правопонимания. Понятно, что, чем больше фигурантов, тем запутаннее дело…

Существует также болезнь «прогрессизма». Каждая новая юридическая школа претендует на то, чтобы быть «более прогрессивной», чем предыдущие. При этом по существу, непременно становится «одной из». Вообще над наукой и человечеством довлеет догмат исторического прогресса. Однако, этот догмат сомнителен. Является ли действительно прогрессивным процесс развития права и государства? В области права заметен, как представляется, некоторый переход предельного «порога прогрессивности». Приведем простой пример. В старину купчина, которому подавали тухлые щи, брал полового за ворот и тыкал его физиономией в тарелку. Теперь ему понадобилось бы долгое и часто неэффективное общение с организациями по защите прав потребителя и судебные тяжбы. Невероятная потеря времени! Не эффективней ли старинный метод? Не эффективней ли отрубить вору руку, чем сажать его в тюрьму, где он только пополнит свои знания и улучшит навыки? Очевидно, эффективней. А как же человеческое достоинство, как же право на физическую неприкосновенность? Всё очень просто. Хочешь сохранить достоинство – не подавай тухлые щи. Хочешь сохранить руку – не воруй!

Ещё одна проблема состоит в том, что учения о праве отягощены идеологиями: права человека, западные, или иные ценности, права меньшинств, правовое государство, и пр. Но в большинстве своём то, что выдаётся за научное обоснование этих идеологий, – это всего лишь псевдонаучное сотрясение воздуха. Например, современная идеология правового государства, как нам кажется, мертва. Она предполагает признание права базовой социальной ценностью. Однако, это не прогресс. Это, напротив – возврат к древнеримской, языческой системе ценностей. После принятия этого догмата Западная Европа уже не имеет права признавать себя частью христианской цивилизации. Если право есть первостепенная ценность, то всеми остальными ценностями можно пренебречь – моральными, семейными и прочими.

Отсюда печальный итог опыта построения правового государства в Европе: однополые браки, жестокая ювенальная юстиция, кризис католической церкви, неспособность защитить традиционные национальные ценности, беззащитность перед наплывом эмигрантов, частичная потеря суверенитета, примитивизация системы образования, деградация искусств, и пр. Остаётся только пожелать, чтобы наша страна не пошла по этому пути.

То, что произошло с правовой идеологией Запада – это парадоксальное явление «дегуманизации гуманизма». Не подлежит сомнению, что все, кто стоял у истоков идеологии прав человека и правового государства, начиная с эпохи Нового Времени, руководствовались самыми благими пожеланиями. Однако, как известно, «благими намерениями выложена дорога в ад». Главной ошибкой с самого начала было провозглашение ряда принципов «самоочевидными», в то время как таковыми они не являются. Аксиоматизация всего, что относится к социальной жизни, чревата догматизацией. А догма всегда стремится к тому, чтобы на практике быть доведенной до абсурда, со всеми вытекающими последствиями. Догматизируя любую гуманную формулу, мы на практике обра-

щаем ее в нечто антигуманное. Есть ли в учении Христа намёк на инквизицию, а в учении Маркса намёк на Гулаг? А поди ж…

На самом деле в сфере философии права, как и в философии вообще, нет и не может быть ничего самоочевидного. Чистый правовой рационализм, опиравшийся на «очевидные принципы человеческого разума» себя давно исчерпал. Хотя бы потому, что его основатели, рассуждая о «человеческом разуме», строили свои представления о нем, исходя из интеллектуального портрета исключительно западного человека. В этом, отчасти, кроется причина того, что современный Запад не представляет себе человечество во всем его интеллектуальном многообразии, и искренне недоумевает, отчего все прочие не согласны разделить «западные правовые ценности».

Современная общественная наука стремится создавать новые, принципиально «прогрессивные» конструкции, зачастую игнорируя опыт прошлого. Однако, по справедливому замечанию О. Конта, общество состоит более из мёртвых, чем из живых. Конструкции, заимствованные нами у римских юристов, приносят порой больше практической пользы обществу, чем все новомодные учения. Но для понимания этого должна быть восстановлена гармония между юриспруденцией, философией и исторической наукой. Однако такое восстановление представляется делом далёкого будущего. Однажды французский философ права Мишель Вилле выразился в том духе, что современные юристы не хотят истории, а историки не хотят философии [1, с. 26]. Приходится констатировать, что эта точка зрения не теряет своей актуальности.

Основной вопрос философии права – «что такое право?» – остаётся открытым. Если право существует по природе, то почему на нормы естественного права мы не можем ссылаться при вынесении судебных решений? Если мы сами создаём право, то почему мы не знаем, что это такое? Самое печальное для нас, философов права, состоит в том, что оно существует и функционирует, независимо от отсутствия у нас его единого понимания. Но! «Что действительно – то разумно». А, значит, что действительно – то познаваемо и определяемо.

Литература

1. *Кравцов Н.А.* Философия права Мишеля Вилле. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского госуниверситета, 2005.

Kravtsov Nikolay Aleksandrovich, Candidate of Law Sciences, Associate professor of the theory and history of state and law, Southern Federal University (88, Gorkogo Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail:nikikrvtsv@yandex.ru

SOME LINES OF CRISIS OF MODERN RIGHT UNDERSTANDING

Abstract

In the article the attention of the reader to some essential lines of crisis of modern understanding of the right is drawn. Are distinguished from such lines: an imbalance between legal philosophy, the theory of the right and legal practice; violation of right balance between jurisprudence and lawmaking; wrong understanding of progressism; ideological congestion of legal concepts; an imbalance between law, history and philosophy.

Key words*: right understanding, history, philosophy, legal philosophy, humanity, theory of the right, law, lawmaking, progress, progressism, methodology, constitutional state, quantum physics.*

References

1. Kravcov N.A. Filosofiya prava Mishelya Ville. Rostov-na-Dony: Izdatel'stvo Rostovskogo gosuniversiteta, 2005.